

lünt, хант. *lont*, фин. *lintu* 'птица')». Автор не всегда последователен в использовании единой финно-угорской транскрипции. Зачастую отдельные фонемы даны в финно-угорской транскрипции, примеры же из марийского, мордовских и других восточнофинно-угорских языков — в других. На с. 44 приводится список лексических соответствий, которые якобы выступают только в марийском и мордовских языках. Однако в этом списке мар. *тений* — морд. *ней* 'теперь', мар. *мо-шташ* 'уставать' — морд. *маштомс* 'иссякнуть (о силе)', как известно, имеют этимологические соответствия и в прибалтийско-финских языках.

В целом же можно констатировать, что Д. Е. Казанцеву удалось успешно решить комплекс проблем, связанных с образованием диалектов и сравнительно-историческим описанием их фонетики. Им учтены многие критические замечания Г. Березки, данные в упомянутой

рецензии на его книгу (СФУ XXII 1986, с. 234—238). Рецензируемую работу с точки зрения марийского языкознания следует признать как решение одной из актуальнейших проблем, как подведение итогов определенного этапа исследований, что имеет существенное значение и для общего финно-угроведения, и для тюркологии. В ней впервые с использованием сравнительных данных родственных и контактирующих языков других систем подробно исследован огромный диалектологический материал, теоретически осмыслены и обобщены новые факты, предложены новые теории о происхождении многих фонетических процессов в историческом развитии марийского языка.

Работа Д. Е. Казанцева — самостоятельное, законченное научное исследование, в котором решена совокупность проблем исторической диалектологии марийского языка и этногенеза его носителей.

М. В. МОСИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.2.17>

Л. И. Барцева, Полисемия глаголов в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1989.

30 октября 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 в Тартуском университете успешно защитила кандидатскую диссертацию Л. И. Барцева. Работа подготовлена в Тартуском университете под научным руководством профессора П. Аристэ. Официальными оппонентами были доктор филологических наук Х. Ыйм и кандидат филологических наук Е. Н. Мустаев.

Проблема полисемии занимает языковедов давно. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных лингвистов в этой области не привели пока к полному выявлению природы многозначности, критериев разграничения полисемии и омонимии и путей образования многозначности. В финно-угорском же языкознании лексическая полисемия вообще относится к малоизученным проблемам. Вопросы многозначности в этих языках нашли частичное отражение лишь в учебных пособиях по лексикологии, а также в отдельных статьях, если не счи-

тать монографию Г. И. Баткова о полисемии в мордовских языках.

Лексическая полисемия в марийском языкознании предметом специального изучения не служила, отдельные стороны вопроса лишь фрагментарно рассматривались в научных статьях и вузовских учебниках. Поэтому не случаен выбор темы рецензируемой работы, которая представляет собой первое системное описание полисемии глаголов марийского языка. Автор раскрывает пути образования многозначности слов, выявляет критерии разграничения полисемии и омонимии, показывает внутренние механизмы формирования лексико-семантических вариантов многозначных глаголов движения. Проблеме полисемии она анализирует на фоне достижений отечественного и зарубежного языкознания, при этом привлекая материалы и других финно-угорских языков.

Источником для написания работы послужили довольно богатая словарная

картотека Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Совете Министров Марийской АССР, а также диалектные и фольклорные тексты, извлечения из художественной и публицистической литературы. Автором проведена большая работа по изучению и систематизации текстологического материала марийского языка. На основе анализа богатейшего фактического материала Л. И. Барцева внесла, на наш взгляд, немалый вклад в теорию полисемии.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной теоретической и художественной литературы, материалов диалектологических, фольклорных, этнографических экспедиций, периодической печати, а также списков используемых слов и словосочетаний, условных сокращений.

Во введении (с. 4—22) обосновывается актуальность темы, указываются источники, излагаются теоретическая и методологическая основы, методы исследования, отмечается его практическая значимость. Здесь же автор знакомит с историей изучения полисемии, выясняет и классифицирует различные точки зрения по этому вопросу, критически осмысливает теории и практику других языковедов и высказывает свою точку зрения.

Автор совершенно справедливо, на наш взгляд, выделяет три основных направления в разработке вопросов полисемии (с. 9). Представители первого направления (К. С. Аксаков, Р. О. Якобсон, В. А. Звегинцев) пытались свести отдельные значения полисемантического слова к «общему значению». Подобной точки зрения придерживаются также К. А. Аллендорф, Н. Н. Амосова и др., считая, что семантическая структура многозначного слова представляет собой одно понятие, объединяющее несколько значений. Концепция «общего значения» вызвала отрицательную оценку у целого ряда лингвистов (Р. А. Будагов, А. А. Уфимцева, С. Д. Кацнельсон). Автор высказала свою точку зрения: опыт исследования полисемии глаголов марийского языка показывает, что теорию «общего значения» нельзя полностью отвергать. Она, не будучи универсальной, чистой абстракцией не является, а несомненно отражает реальные черты в структуре семантики (с.

11). Второе направление связано с именами А. А. Потемни, Л. В. Щербы, М. Г. Арсеньевой и др., отрицавшими лексическую полисемию. Мнение этих ученых сводится к тому, что в языке столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений. Автор справедливо высказывает свое отрицательное отношение к подобной точке зрения (с. 12). Наконец, представители третьего направления Р. А. Будагов, А. А. Уфимцева, Э. В. Кузнецова, В. Г. Как считают полисемию важным фактором функционирования и развития языка и квалифицируют как закономерное лингвистическое явление.

На рецензента положительное впечатление произвел анализ работ финно-угроведов (И. Балашша, Г. И. Мелика, Л. Хакулинен, Ю. Пээгель, Е. Нурм, Х. Ыйм, Н. Ф. Цыганов, Г. И. Батков, М. В. Мосин, В. М. Васильев и др.), в которых затрагиваются проблемы многозначности.

Однако при знакомстве с изложением истории изучения полисемии у рецензента возникли некоторые вопросы. Известно, что проблема лексической полисемии широко освещена главой младограмматической школы Г. Паулем. В его капитальном труде «Принципы истории языка» (1880 г.) подробно описаны различные типы изменения семантики слов: сужение, расширение, перенос значений. Однако его имя среди зарубежных лингвистов почему-то не упоминается, хотя работа в библиографии указана. Не упоминается и имя М. М. Покровского, который одним из первых русских лингвистов занялся проблемами семасиологии (см. его работу «О методах семасиологии», 1986, и др.), заложил основы сравнительно-исторической семасиологии. Он, как известно, впервые предложил изучать историю значений не отдельных слов, а групп слов, принадлежащих к одной и той же сфере представлений.

Первая глава (с. 23—44) посвящена теоретическому освещению лексической полисемии, ее семантической структуры, приводятся критерии разграничения полисемии и омонимии.

Автор отмечает, что значения многозначного слова в совокупности можно представить в виде семантической структуры слова, понимаемой как иерархическое построение семантических элементов

— его лексических вариантов. Лексико-семантический вариант полисемантического слова — это самостоятельная, реально существующая единица системы языка (с. 24). Каждый из них имеет свою семантическую структуру, состоящую из системы элементарных смыслов — сем. С научной точки зрения семы являются средством описания значений, единицей, с помощью которой значения слова отождествляются и дифференцируются (с. 26).

В данной главе описываются различные типы лексических значений (с. 26—30). Здесь же рассматривается проблема дифференциации полисемантических слов и слов-омонимов. Данный вопрос, кроме теоретического, имеет немалое практическое значение. Так, смешение полисемии и омонимии оставило след в лексикографической и лексикологической работах по марийскому языку. Автор на примерах глаголов *йбраш*, *шйшкаш*, *малташ*, *лывырташ* показывает (с. 31—33) ошибочные разграничения полисемии и омонимии в «Марийско-русском словаре» (1956).

Ценны, по мнению рецензента, шесть критериев разграничения полисемии и омонимии, возникших вследствие распада многозначности (с. 42—46): 1) отсутствие семантической связи между омонимичными парами, например: *кйзаш* I 'подниматься, подняться вверх' — *кйзаш* II 'брать, взять, выкачивать (мед)'; 2) диахронический процесс рассматриваемых слов: *кйзаш* II в прошлом входило в состав лексико-семантической структуры *кйзаш* I, что объяснялось развитием бортничества. В настоящее время с появлением рамочной системы пчеловодства лазить на дерево не приходится, но в значении 'добывать мед' используется все тот же глагол *кйзаш*; 3) отсутствие семантической связи между синонимами к каждому омониму: *шйраш* I — *ййгаш* 'мазать, намазать' (*киндеш ййым шйраш* 'мазать на хлеб масло'), *шйраш* II — *тырмалаш* 'боронить' (*пакчам шйраш* 'боронить огород'); 4) наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения: *возаш* I — *ушеш возаш* 'прийти на ум'; *возаш* II — *нийым возаш* 'драть лыко'; *возаш* III — *ййым возаш* 'сбивать, сбить масло'; 5) возрастание вероятности различия словообразовательных рядов при частичном пересечении производных, например: *малаш* I

'спать' — *малаш* II 'свертываться, свернуться, запекаться'; *малыкташ* 'заставить спать' — у *малаш* II этой формы нет; 6) различие глаголов-омонимов, обусловленных многозначностью, проявляется и в грамматике (в субъектно-объектном отношении, устанавливаемом при посредстве сказуемого; в характере синтаксической сочетаемости и т. д.).

Во второй главе (с. 45—106) автор раскрывает пути образования полисемии марийских глаголов. Различные типы изменения значений показаны на богатом фактическом материале, извлеченном из художественной литературы, периодики, использованы также примеры из устного народного творчества. В марийском языке, отмечает автор, к общим закономерностям развития лексической семантики, в особенности — глагольной, относятся расширение, сужение значений слова, различные случаи переноса: метафора, метонимия, табу, эвфемизмы (с. 99). Каждый из этих способов рассматривается в работе с большой тщательностью.

Автор исследования указывает на две причины, приводящие к расширению значений слова — экстралингвистическую и интралингвистическую. Как известно, развитие человеческого общества, его культуры, познание человеком окружающей действительности вносят свои коррективы и в семантику слова. Возникновение новых предметов, явлений и понятий приводит к появлению не только новых слов, но и новых значений. На примере глагола *шараш*, у которого в марийском языке закрепилось восемь лексико-семантических вариантов, показано, как в последнее время в связи с развитием науки, культуры, социалистического соревнования у данного слова появились новые значения: 9 'расширять, расширить (соревнование)', 10 'разнообразить (жанр, репертуар)'.
 На расширение семантики марийских лексем оказывают влияние и другие языки. Например, у глагола *шупшааш* 'тянуть, потянуть' семема-4 'обтягивать, обтянуть, обить' возникла под влиянием русского языка: рус. *обтягивать двери войлоком* — мар. *омсаш портышым шупшааш*; а семема-10 'курить (табак)' заимствована из татарского языка: тат. *тамэке тарту* — мар. *тамакам шупшааш* 'курить табак'.

Самым распространенным «сырьем, из которого делается значение слова», яв-

ляется метафора — перенос наименования по сходству признаков. Ее появление обуславливается свойством человеческого мышления сравнивать уже имеющиеся понятия о предметах, явлениях с новыми такими же понятиями или явлениями, при котором принимается во внимание их сходство, внутренняя и внешняя связь. Автором анализируется 11 факторов появления глагольных метафор (с. 102—103). Заслуживает внимания исследование такого явления, как табу и эвфемизмы (с. 83—88), которые в марийском языкознании изучены пока недостаточно.

Л. И. Барцева отмечает, что одна из важных особенностей проявления табу — религиозный запрет, налагаемый на определенные действия во избежание враждебных проявлений сверхъестественных сил, а также запрет на употребление названия действий, явлений из-за страха и суеверия. Так, из чувства страха вместо *кӱдырчӱ рашкалта* 'гром гремит' мари в древности (в настоящее время представители старшего поколения) предпочитали говорить *юмо тӱжа* букв. 'бог тронет', при этом якобы грозная сила природы превращалась в безвредное для человека действие. В современном марийском языке табу, отмечает далее автор, не имеет места, его былое распространение можно встретить лишь в молебнах, в речи людей старшего поколения, а также в исторических произведениях.

В настоящее время активно рождаются эвфемизмы, характерной чертой которых является смягчение грубых, неприятных лексем из приличия, вежливости и такта. Например, из уважения к покойнику, грусти при расставании с ним вместо *ураш* 'зарывать, зарыть, закапывать, закопать' стали употреблять *тояш* 'прятать, спрятать' — *чыкаш* 'совать, сунуть' со значением 'хоронить, схоронить', т. е. закапывать в землю с соблюдением принятых обычаев, обрядов.

В целом знакомство с этой главой позволяет сделать вывод о том, что автору присущи наблюдательность, тонкий анализ языковых фактов, умение обобщать.

В третьей главе (с. 107—187) дается семантический анализ глаголов движения, весьма значительных для любого, в том числе марийского языка. Все они передают сложные процессы окружающей

действительности. Автор сгруппировала подобные глаголы по признакам направленности, пространственного передвижения, движения с помощью средств передвижения и скорости. Каждая из групп конкретизируется более частными признаками (по нашим подсчетам, 16), такими, как беспорядочное движение субъекта, разнонаправленное, однонаправленное движение, причем последнее детализируется — приближение субъекта к объекту, удаление субъекта от объекта и т. д. Анализируется и формирование лексико-семантических вариантов глаголов, показывающих движение субъекта в пространстве. Таким образом в работе рассмотрено большое количество глаголов движения.

Следует сказать, что подобный анализ в марийском языкознании проведен впервые. В результате всестороннего изучения смысловой стороны таких глаголов Л. И. Барцева выявила большое количество лексико-семантических вариантов глаголов, которые не находили раньше отражения в лексикографической практике. Так, у глагола *кошташ* 'ходить, двигаться с помощью ног' автор приводит 26 значений (с. 115—125), тогда как в «Марийско-русском словаре» (1956) зафиксировано лишь шесть, у глагола *лекташ* 'выходить, выйти; выехать, оставить пределы чего-либо' она обнаруживает 30 значений (с. 144—153), в словаре указано только 11. Заслуживает одобрения данная после каждого семантического анализа глаголов движения схема сцепления их вариантов (всего 18 схем).

Выводы исследования убедительны, они вытекают из его содержания. Работа написана четким языком, техническое оформление грамотно. Однако встречаются и недочеты. Некоторые уже упомянуты выше.

Отдельные лексико-семантические варианты у глаголов движения, на наш взгляд, автором чересчур детализированы, а порой субъективны. Приведем примеры. На с. 129 вариант 3 у слова *толаш* имеет семантику 'направляться, отправляться с какой-либо целью: учиться, работать в качестве кого-то, наступать на врага и т. п.'. Для подтверждения приводится фраза *Ола вельш чех-влак толыт* 'В сторону города наступают белочехи'. В самом *толаш* указанное значение, на наш взгляд, не содержится, о нем говорит контекст. То же можно сказать о вари-

анте 5 *кораҥаш* (с. 134): 'отклониться, отодвинуться... при выражениях любви' (?). На с. 144 варианты 1 и 4, на наш взгляд, совпадают; одинаковыми нам кажутся и варианты 2 и 3. Несомненно, определенную роль в данном случае играет субъективное восприятие глагола с учетом контекста. На с. 172 и 175 варианты 2 'мять, подминать, травить; повредить посеvy, наносить ущерб лугам, полям (при движениях на транспорте, ходьбе, беге)' и 8 'давить, разминать, мять ногами для какой-либо практической надобности', думается, идентичны.

С другой стороны, автором, видимо, не все значения у глаголов указаны. Например, у слова *тошкаш* (с. 172—175) можно обнаружить и 'пойти по стопам кого-либо, продолжить чье-либо дело':

Эргыже ачаж корнымак тошка 'Сын идет по стопам отца'.

Указанные недочеты не имеют принципиального значения, а потому не снижают ценности рецензируемой работы.

Исследование Л. И. Барцевой может оказать немалую практическую помощь. Результаты его, несомненно, будут способствовать более качественной подготовке толкового, синонимического, а также двуязычного словарей марийского языка. Теоретическая часть работы применима при написании учебника лексикологии (раздел «Семантика»). Материалы данного исследования окажут помощь при изучении теоретических и практических курсов лексикологии студентами местного педагогического института и университета.

ЕЛИЗАР МУСТАЕВ (Йошкар-Ола)

А. И. Туркин, Топонимия Коми АССР (лингвистический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Таллинн 1989.

25 октября 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания Академии наук СССР состоялась защита докторской диссертации научным сотрудником Института языка и литературы Академии наук Эстонии А. И. Туркиным на вышеназванную тему. Исследование выполнено в секторе финно-угорских языков Института языка и литературы АН Эстонии. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. В. Суперанская (Москва), доктор филологических наук профессор И. В. Тараканов (Ижевск), доктор филологических наук А. П. Володин (Ленинград).

В последние два десятилетия в Советском Союзе бурное развитие получила ономастика как особый раздел языкознания: появился ряд основополагающих работ по антропонимике, этнонимике, топонимике. Определенные успехи достигнуты в ономастике и финно-угроведении, в частности, изучены топонимы Карелии, Эстонии, Пермской области, Марийской и частично Удмуртской АССР, северных областей Сибири и т. д. Однако еще не вся

территория северо-западной части Европы, где обитают в настоящее время и обитали в прошлом финно-угорские народы, в топонимическом отношении изучена. До последнего времени слабо изученными оставались топонимы на обширной территории проживания коми народа, освоившего с древнейших времен труднодоступный таежный край и берега многочисленных северных рек и речушек. Обращение автора к научной разработке объявленной темы следует всемерно приветствовать. Актуальность ее увеличивается еще и тем, что коми язык не располагает древними письменными памятниками, а при отсутствии таковых топонимия иногда позволяет воспроизвести весьма отдаленное состояние языка, ибо географические имена нередко сохраняют более древнее, чем живые говоры, звучание слова, по топонимам можно проследить звуковые изменения, не получившие отражения в лексике современного языка, восстановить утраченные звуки и т. д.

Тему исследования автор ограничил территорией Коми АССР не случайно, ибо поставил перед собою цель комплексно рассмотреть исторические условия форми-